

ПУШКИНСКИЕ ПИКИ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ

Йозеф Сипко (Прешов)

Традиционная характеристика русской классической литературы подчеркивает ее глубоко национальную и вместе с тем мировую известность. Данное этнопсихолингвистическое исследование и в его рамках ассоциативный эксперимент также указывают на это. В данной статье будет нас интересовать место русской литературы в национальном сознании русских.

Как показывают результаты некоторых наблюдений Сорокина (1995) среди русских и американцев, приоритет русской классической литературы в этнопсихологическом сознании представителей обоих народов подтверждается и в современности. Принимавшие участие в его ассоциативном эксперименте русские и американцы должны были проводить антропоцентрическую картину своего и партнерского народов. Русские (по отношению к собственной картине) приводили фамилии: 1. Пушкин, 2. Толстой, 3. Петр Великий, 4. Достоевский, 5. Гоголь и др. У американцев первых пять мест заняли: Горбачев, Пушкин, Достоевский, Петр Великий, Толстой. Русские писатели представляют в антропоцентрической картине России доминирующую позицию. Для сравнения приведем те же результаты по отношению к американцам: у русских первых пять мест заняли: Рейган, Мадонна, Вашингтон, Джексон (певец), Кеннеди. У американцев картина подобная: Кинг, Буш, Вашингтон, Мадонна, Кеннеди. Таким образом в русской антропоцентрической картине в десятку известных личностей попало семь писателей, в соответствующей американской шкале нет ни одного американского писателя.

Мы проводили этнопсихолингвистическое исследование, указывающее на место русской литературы в сознании русских посредством ее реминисценций в современной публицистике. Эти наблюдения мы проводим несколько лет и полученные результаты подтверждают общие выводы Сорокина. В данной статье мы обратим внимание на творчество А. С. Пушкина, который представляет определенную доминанту в публицист-

тических реминисценциях и создает вполне конкретную аксиологическую картину о себе в сознании русского общества.

А. С. Пушкин – русский духовный космос

Изю всех нами собранных лит. реминисценций (включая словацкую и мировую литературу) пушкинские однозначно превосходят все – по объему, по тематическому универсализму и по духовному воздействию. И иностранцу становятся более понятными эпитеты «национальный», «солнце русской поэзии», «наше все» и т. д. Вполне понятными становятся и следующие высказывания: «У нас русских есть еще один закон: любить Пушкина. Мы верим в его величие, мы признаем его гений, и мы его защищаем, как чудотворную икону от кощунственных рук иноверцев. И это, кажется, *единственная святыня, которая соединила нас всех*» (Тэффи 1995, с.46).

В рамках пушкинских реминисценций можно создать интересную иерархию его произведений. На первое место у нас выходит поэма «Медный всадник». Это связано с решением важного для России вопроса, нашедшего отражение в известном противостоянии «западников» и «славянофилов». Пушкин воспеваеа Петра Первого за то, что тот «прорубил окно в Европу». Эта самая частая литературная реминисценция России и сегодня ставит друг против друга выше приведенные течения.

Нами подобранные примеры показывают, что одни требуют – «*Прорубить новые окна*» (СС.1990.10), а другие сомневаются в пользе этого шага – «*Петр I прорубил окно в Европу. Так до сих пор и болтаемся в проруби*» (ЛГ.1994.29). «Патриоты» это интерпретируют по своему – «*Петр прорубил именно окно, а не дверь, чтобы русские люди наблюдали через это окно жизнь Европы*» (НС.1996.3). Значит, в их концепции «прорубленное окно» только для наблюдений. «Демократы» дают другое толкование – «*Окно прорублено. Найти бы дверь*» (ЛГ.1995.40). В связи с действиями русских преступников за рубежом появился комментарий – «*Прорубие окно в мир, не раздувай по нему с топором*» (ЛГ.1997.6). Мотив «прорубленного окна» для бывших союзных республик вызывает определенную ностальгию по прошлому – «*Россия для нас была окном в Европу*» (ЛГ.1996.17 – об Азербайджане). Данный пушкинизм применяется и по отношению к нерусским – «*Поляки рубят окно в Атлантику*» (КП.16.1.96 – к НАТО). Идея открытости имеет свое продолжение и в мысли о новых гостях – «*Все*

флаги в гости к нам» (ЛГ.1995.26 – делегация из Израиля). Рядом с радостью по поводу приезда новых гостей – *«Все музы будут в гости к нам»* (О.1995.23 – фестиваль искусств) – появляются и обратные чувства по отношению к незванным гостям – *«Москва: Все дерьмо в гости к нам»* (МК.15.2.94). Как показывают примеры, Пушкин в данном случае выражает одну из центральных русских идей, т. е. отношение к Западу, необходимость увеличения контактов с ним. Вместе с тем подчеркиваются русские национальные особенности относительно восприятия свободы. Современные славянофилы комментируют ее образами из той же поэмы – *«Славяне искали место для мира на весь мир – И запируем на просторе»* (НС.1996.12 – Славяне часто меняли свои столицы, по автору это доказывает их свободолобие). Пушкинизмы из *«Медного всадника»* функционируют даже в зарубежных сюжетах. По отношению к Нью-Йорку одна из его характеристик передавалась пушкинскими словами: *«Нью-Йорк тоже Петра творенье»* (ЛГ.1997.6 – из Библии «камень» по гречески «Петр» – слова Христа Симону-Петру. Имеется в виду каменный вид американского города). Второе место занимает роман *«Евгений Онегин»*. В данном случае уже не встречаем антагонизм в интерпретации, как у «прорубленного окна». Преобладает актуализация пушкинизмов при описании современных событий. Уже первая фраза романа отзывается на современную сложную социальную ситуацию: *«Мой дядя самых честных правил. А теперь он на пенсии...»* (ЛГ.1997.11). И следующая фраза жива: *«Пример Кремля другим наука»* (ЛГ.1994.32 – политика совр. правительства). После добровольного ухода со всех политических постов австрийского канцлера Враницкого подходящей была фраза – *«Его пример другим наука»* (ЛГ.1997.4). В романе Пушкина мог найти себя и лидер боснийских сербов Караджич – *«Он уважать себя заставил»* (ЛГ.1994.59). Данная мысль функционирует при характеристике известных лиц, подчас с сатирическим замыслом – *«Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог»* (НС.1996.3 – о террористе Басаеве после трагедии в Буденовске). Отношения грузинского лидера к России выражают слова – *«Грузия: не вреден север для меня»* (МН.1994.6). Мыслями из романа можно реагировать на некоторые неточности авторов. Тяянов с этой целью обращается к Евтушенко по поводу его одного словосочетания – *«Не обижайся, ради Бога, Я не привык ни льстить, ни мстить. Мы все учились по немного. О чем лишь можно погрустить, Но "древнегреческую тогу", Не мог я, грешный, пропустить»* (ЛГ.1994.11 – тогда была в Древнем Риме). Пушкинский

роман характеризуется как «энциклопедия русской жизни». Современность это полностью документирует. Об известном человеке можно сказать – *«Евгений Александрович родился на берегах Невы»* (ЛР.1990.47). Значение сельского хозяйства для экономики страны подчеркивает отрывок – *«Как государство богатеет и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет»* (ЛГ.1996.22). Хотя поединки в наше время представляют что-то необычное, но все же бывают. Один обиженный киевский профессор вызвал на дуэль лидера укр. националистической организации «Рух». Комментарий:

«Теперь сходитесь». Хладнокровно,
Еще не целя, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага (ЛГ.1997.1–2).

Известные начальные строки «Письма Татьяны Онегину» подчеркивают романтичность девушек и в наше время: *«Мы из тех девочек, которые в свои четырнадцать шептали: "Я к вам пишу – чего же боле?"»* (НС.1997.3 – Л. Беляева: «Тэ прэ – Жду тебя»).

В наших материалах на третье место выходят пушкинизмы из стихотворения «Памятнику». Некоторые из них стали крылатыми выражениями и в публицистических текстах до известной степени клишируются. Рассуждение о национальных отношениях заключается в словах – *«Всяк суций в ней язык»* (ЛГ.1990.1). О значении Пушкина для России тоже лучше не скажешь, чем его собственными словами – *«К нему не зарастет народная тропа»* (ЛГ.1994.25). Эти слова будто подчеркивают мысль об охране всего, что бесценно и красиво, в том числе и природа – *«К столбам не зарастет народная тропа»* (КП.28.2.93). Совет Пушкина об отношении к «глушам» универсален – *«Оспаривать глупца было не в натуре поэта»* (ЛГ.1995.47). Глубокомысленные стихи «Памятника» употребляются в качестве словесных и образных средств полемики. Так отвечал Е. Гайдар своим критикам – *«...и не оспаривай глупца»* (ЛГ.1996.36). Генерал А. Лебедь на похвальные замечания о его роли в Чечне скромничал – *«Хвалу и клевету приемли равнодушно»* (ЛГ.1996.36). Известные памятники должны возноситься над другими – *«Тот вознесся главою непокорной чуть ли не выше купола храма Христа Спасителя»* (ЛГ.1996.51 – памятник Петру Первому в Москве). Словацкий сатирик Сатински подобным образом комментировал враж-

дебное отношение к нему любой власти – *«Я памятник воздвиг себе нерукотворный»*.

Если «Медный всадник» со своим «прорубленным» окном интерпретируется как определенное западничество, то стихотворение «Клеветникам России» полностью раскрывает славянскую душу поэта. Трагические конфликты между славянскими народами в наши дни имеют исторические аналогии с эпохой Пушкина – *«Вам непонятна, вам чужда, сия семейная вражда»* (РГ.23.2.93 – война в Югославии). Те же самые события отражаются в другой фразе этого стихотворения – *«Шумят народные витии»* (ЖП.19.2.93). Сложные отношения России и Украины относительно Крыма изображены пушкинским виденьем – *«Спор славян между собою»* (О.1995.51).

Наряду с вышеупомянутыми факторами приоритета пушкинизмов в публицистических реминисценциях (Супрун 1995) важным считается и фактор «программной школьной литературы», в которую были включены «революционные стихи» Пушкина. Отрывки из них перефразируются в серьезном контексте – *«Во глубине сибирских руд»* (О.1995.1–3 – о новом законе), но тоже и в пародийном – *«Во глубине сибирских руд, Сырря нема – на Запад пруд»* (ЛГ.1995.42). Благодаря этому стихотворению Пушкина «живет» в современной публицистике ответ Одоевского, из которого известные ассоциации вызывает слово «искра» – *«Эта искра тоже зажгла пламя»* (РВ.8.9.93 – октябрьские события 1993). Причины одного пожара комментировались по-пушкински – *«Из стали возгорелось пламя»* (П.17.2.93). Тот же мотив перефразируется в современной частушке:

*У нас теперь эпоха гласности,
Но скоро кончится она.
И в комитете безопасности
Запишут наши имена* (ЛГ.1997.7)7

Повторяются и другие сюжеты Пушкина. Его воспоминания на лицейские годы перефразируются при описании судеб других поэтов – *«Николай Державин меня не заметил»* (ЛГ.1995.47 – писатель Зимник о себе). Как считает Еськова (1995), эта мысль стала бродячим сюжетом среди некоторых русских поэтов – *«Понятно, отчего был Пушкин блажен, в тот день, когда его благославил Державин»* (Я. Смеляков, «Лавровый венок»).

Пушкинские реминисценции звучат с полной силой в тех случаях, когда современные журналисты описывают тот же самый объект, что и Пушкин. Для репортажа о жизни цыган самыми подходящими представляются слова из поэмы «Цыганы» – «*Цыганы шумною толпой...*» (О.1995.14). Особое внимание заслуживает мотив «кавказского пленника» на фоне трагических событий последних лет. Политика Ельцина по отношению к этому региону сравнивается с судьбой пушкинского героя – «*Кавказский пленник*» (ЛГ.1993.49). Данный мотив стал активизироваться в связи с войной в Чечне. Пушкин со своим глубоким и настоящим смыслом прочувствовать «русский космос» (Гачев 1994) изобразил вневременные русские реалии. Одной из них положение Кавказа в Российском Государстве. Пушкинский «кавказский пленник» как бы иррационально поднял эту проблему, которая существует именно на подобие пушкинского словосочетания. Примечательно, что пушкинский сюжет развивают и современные авторы (Битов, Маканин). В рассказе Маканина (НМ.1995.4) анализируется кавказский феномен в сознании русских как раз в контексте современных военных действий. Уже первое предложение произведения – «*Солдаты, скорее всего, не знали про то, что красота спасет мир, но что такое красота, оба они, в общем, знали*». Авторская связь Пушкина и Достоевского и в конце XX века символизирует глубину тех этнокультурных архетипов, которые «одели» в художественное слово великие его мастера. Маканинские русские герои в кавказском плену ищут красоту в кавказской природе как контраст ко многим отрицательным сторонам современной жизни. В этой связи многозначительно звучит мысль Т. Касаткиной относительно рассказа Маканина – «...если мы, русские, прикованы к Кавказу его красотой и просто не можем уйти, пытаясь который век эту красоту разгадать, то нам жизненно необходимо научиться, чтобы красота не гибла в наших руках. Иначе нам уже не будет никакого спасения» (НМ.1996.46, с. 215). Эти мысли переводят в простую речь глубокие завещания великих писателей своим потомкам. Если говорим о Пушкине как о гении, который открыл и углубил русские национальные архетипы и глубже всех прочувствовал Космос своего народа, то Кавказ представляет один из базисных факторов, пленяющий русских. На этом фоне интересной представляется повесть Н. Иванова: «*Вход в плен бесплатный*» (НС.1997.3). И опять то же пушкинское магическое слово «плен» в повести о трагической судьбе современных русских пленников в Чечне. Репортаж о словаках, похищен-

ных в Чечне, был описан под названием с теми же ассоциациями: *«Návrat kaukazských vázňov»* (Р.17.2.97).

Пушкинизмы функционируют и в контексте, в котором создается впечатление, что современники ведут полемику с Пушкиным – *«О том времени не скажешь: нас было много на челне»* ЛГ.1994.14 – о диссидентах в СССР). В другом месте эта мысль подчеркивает, что поэты всегда нужны – *«Читая журнал "Арион" воочию видишь – поэтов поныне много на челне»* (ЛГ.1996.48).

Пушкинские реминисценции являются живой составной частью русского языка. Несмотря на их контекст, иногда даже пародийный, Пушкина и его крепких позиций в духовной жизни, это не касается – *«Лучше, как сказал бы Пушкин, сердцу стало веселей, выпьем, выпьем, где же кружка, под залог в пятьсот рублей»* (ЛГ.1995.23 – об инфляции рубля). Няня Пушкина вспоминается и в статье о побоях детей в семьях – *«Арина Радионова, ау...»* (ЛГ.1997.6). Стихи из послания А. П. Керн тоже пародируют современную социальную ситуацию – *«Я помню чудное мгновение»* (ЛГ.1994.48). Из того же стихотворения понадобились слова критики – *«Декаденс – это когда без божества, но с вдохновеньем»* (ЛГ.1996.36). Универсальность русской духовности у Пушкина расширяет в современной обстановке известная цитата из «Капитанской дочки» – *«Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный»* (ЛГ.1990.51). Всероссийский день протеста 27 марта 1997 в связи с невыплатой зарплат и пенсий был комментирован в рассуждении под пушкинским названием – *«Русский бунт: на деле осмысленный, на словах беспощадный»* (ЛГ.1997.13). Комический эффект в некоторых материалах публицистики достигается посредством стихов из пушкинских сказок – *«Я там был, мед пива пил»* (ЛГ.1996.36 – репортаж с митинга). Даже специальные подразделения российского военно – морского флота получили пушкинское определение – *«Морские дьяволы дядьки Черномора»* (ЛГ.1996.36).

Со значительной настойчивостью ссылаются на Пушкина «патриотические» представители. Один из них, художник И. Глазунов, в своих мемуарах «Распятая Россия» в эмоциональных отрывках обращается к своим коллегам-художникам с призывами из стихотворения «Пророк» – *«Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился»* (НС. 1996.4). При описании русской истории помогают Глазунову стихи Пушкина – *«Сюда жемчуг привез индеец. Поддельны вина – европеец»* (там же о значении Новгорода). Стихотворение «Пророк» функционирует

в тех контекстах, которые направлены полемически: «*Глаголом антисемитским жегщие сердца людей*» (НС.1997.1 – цитация сионистов о русских писателях).

Исторические реминисценции обычно напоминают нам о том, что все повторяется. Убедительно эту идею интерпретирует статья о Горбачеве, в которую включены отрывки из «Бориса Годунова». Тут подобраны те части, которые по мнению автора больше всего отождествляют Годунова и Горбачева:

«Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

.....

Он написан во весь рост. Чело, как череп голый,

.....

О вождь несчастливый!...Суров был жребий твой...
Непроницаемый для взгляда черни дикой.

.....

Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоею священной сединою.

.....

И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец» (О.1995.45).

Сходство действительно удивительное. Автор статьи усиливает его словами: «Так когда же А. С. Пушкин написал про М. С.?» Хотя пушкинские реминисценции в своем большинстве функционируют в роли нравственного авторитета, истинного утверждения, но известность и народность пушкинизмов предопределяет их употребление и в других жанрах. В сценарии известной сатирической телепередачи «Куклы» был отрывок (Ельцин сдает экзамен у Ленина): «*Пушкин. Лирика. Лирика у Пушкина бывает гражданская и любовная. Гражданская, значит, обращена к гражданам, а любовная – к гражданкам. Например: я вас любил... Ленин: Меня? Бориска: Ну, вас когда-то все любили... Причем – любовь еще быть может! Ленин: Дальше! Бориска: Но-о... пусть она вас больше не тревожит*». Подчеркнутые фразы включены в сценарий из известного стихотворения Пушкина «Я вас любил».

Феномен нравственного и духовного авторитета Пушкина в русском обществе непревзойден. Подобное исследование документирует, что Пушкиным можно «прикрыть» всю российскую действительность, что его русский универсализм вне времени. Данные констатации на фоне приближающегося двухсотлетнего юбилея Пушкина можно считать одним из доказательств его бесспорного нравственного авторитета в русской жизни.

Сокращения газет и журналов:

ВМ – «Вечерняя Москва», КП – «Комсомольская правда», ЛГ – «Литературная газета», ЛР – «Литературная Россия», МК – «Московский комсомолец», МН – «Московские новости», НВ – «Новый мир», НС – «Наш современник», О – «Огонек», П – «Правда», РВ – «Российские вести», РГ – «Российская газета», СС – «Советский союз». P – Pravda.

Литература:

- ВЕЖБИЦКАЯ, А.: Антитоталитарный язык в Польше. // Вопросы Языкознания 1993/4. С. 107–125.
- ЗАЛЕВСКАЯ, А. А.: Некоторые специфики проявления языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов // Этнопсихоллингвистика. Москва «Наука» 1988. С. 34–48.
- ГАЧЕВ, Г.: Национальный космо-психо-логос. // Вопросы философии 1994/12. С. 59–78.
- ГАЧЕВ, Г.: Национальные образы мира. Космо. Психо. Логос. Москва «Прогресс» 1995.
- ЕСЬКОВА, Н. А.: О раскавыченных цитатах. // Русская речь 1995/3. С. 55–60.
- СОЛОВЕЙЧИК, С. Л.: Педагогика для всех. Москва «Детская литература» 1987.
- СОРОКИН, Ю. А.: Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов (Какими мы видим себя и других). // Вопросы языкознания 1995/6. С. 59–78.
- СУПРУН, А. Е.: Текстовые реминисценции как языковое явление. // Вопросы языкознания 1995/6. С. 17–29.
- ТЭФФИ, Н.: Пушкинские дни. // Русская речь 1995/3. С. 45–50.